

БЕЗУПРЕД

ВИКТОР УЛИН
ЖИЗНЬ ДЛИНОЮ В ЧЕТЫРЕ ЧАСА

18+

Виктор Улин

НАИРИ

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Улин В.

НАИРИ / В. Улин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Что движет человеком, когда жизнь его висит на волоске в ситуации, не поддающейся контролю? Порыв души или томление тела? Об этом написано много книг, снято много фильмов, но истинную правду может поведать лишь тот, кто пережил все сам. Художественная повесть, основанная на реальных материалах, описывает авиационное происшествие на рейсе Уфа-Анталья, в котором автор побывал 13 июля 2010 года. Персонажи вымышлены, события подлинны, детали достоверны. © Виктор Улин 2019 г. – дизайн обложки (оригинал частное фото).

© Улин В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

1	8
2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

*События имели место,
герои созданы из прототипов.*

– Ну все, – сказала жена. – Твою Анталю объявили. Иди, поднимайся на границу, а я поехала домой.

Я взглянул на часы, висящие над расписанием рейсов.

Они показывали двадцать минут шестого, регистрация началась в срок. До вылета оставалось черт знает сколько времени, можно было не спешить. Но жене, измученной ранним подъемом, не имело смысла оставаться тут лишних полчаса.

– Поезжай! – ответил я. – Пока!

И поцеловал ее – в нос, чтобы не размазать помаду.

Перед выходом из дома жена красилась долго, словно собиралась не в сонный утренний аэропорт, а на светскую вечеринку, каких в нашем огромном неуютном городе никогда не бывало.

– Не устраивай в квартире сквозняки, не бегай голышом при открытых балконах.

Расставаясь с женой, я всегда давал ей указания, словно девочке-младшекласснице, которая со всем согласится, но ничего не выполнит.

– Надену халат. Обещаю.

– И не сиди под кондиционером.

– Не буду. А ты не перекупывайся в море.

– Обещаю. Ешь как следует, не сиди без меня голодом.

– Обещаю.

– Не включай перед сном «Пуаро». Оно убаюкивает, а под телевизор спать вредно.

– Хорошо. Буду брать в постель четвертый том «Войны и мира», – жена была сама покладистость. – От этой нудятины сразу усну.

– И не порись в «скитлз» ночи напролет.

– А ты не забывай мазаться кремом, а то за первые два дня превратишься в головешку. Я тебе купила с самым большим фактором. Лучше всего – найди какую-нибудь тетку, которая тебя станет натирать каждое утро на пляже.

Жена говорила со смехом.

Она прекрасно знала, что мне не нужен никто, кроме нее. И это было так.

Я то и дело перехватывал чужие взгляды.

Топик, подобранный под цвет машины, имел тонкие лямки; бюстгальтер с ним не надевался. Грудь жены оставалась почти девичьей, хотя осенью ей предстоял юбилей, который было не принято отмечать. Плечи не успели загореть из-за дождей, тянувшихся с начала лета, и сияли белизной. Недавно сделанная стрижка делала ее совсем молодой. Да и вообще жена была несказанно хороша.

Наш совместный стаж составлял пятнадцать лет, но моя любимая женщина оставалась единственной желанной.

Сейчас я смотрел на нее и не представлял, как проведу две недели на Средиземном берегу.

На самом деле я ни за что бы не полетел отдыхать один, но пришла эпоха двадцатилетних. Людям нашего возраста не осталось возможности согласовать отпуска, стоило радоваться возможности отдохнуть по-человечески хотя бы порознь.

– Я тебя люблю, – сказал я, ни капельки не греша против истины.

– И я тебя тоже люблю, – ответила жена.

Приникнув ко мне, она аккуратно, стараясь не испачкать мне рубашку, потерлась носом.

– Постараюсь без тебя ничего не разрушить.

– Постарайся.

Я кивнул без улыбки.

Перспектива была реальной. Я не сомневался, что за время моего отсутствия жена что-нибудь сломает, устроит дома бедлам, разобьет машину или потеряет какую-нибудь нужную вещь. В командировки мне приходилось ездить нередко и каждый раз меня встречал какой-нибудь сюрприз.

– Отдыхай как следует, – сказала она. – Ешь, пей, спи, купайся. И снова ешь и спи побольше, когда никто тебя не дергает каждую секунду. Ни о чем не волнуйся, все будет хорошо, возвращайся скорее, я буду по тебе скучать.

– Я уже по тебе скучаю.

Это тоже было правдой.

Минута, проведенная без жены, порой казалась вычеркнутой из жизни.

Вздохнув, я поцеловал ее душистую макушку.

– Не пей кофе сейчас в баре. Поспишь в самолете, прилетишь свежий, примешь душ, переоденешься, пообедаешь и пойдешь к морю, не потеряешь эти полдня.

– Хорошо, пить кофе не стану, сяду и буду спать.

У двери, ведущей в зону отправления, скопилась очередь.

Взяв жену за прохладные плечи, я нехотя отстранил ее от себя.

– Поезжай. Я тут буду стоять еще не знаю сколько.

– Сейчас поеду.

– Черт, надо было все-таки тебе меня послушать. Приехал бы сюда сам на «Ауди», оставил ее на стоянке, а ты бы сейчас спала...

– Еще чего. В кои-то веки ты улетаешь отдыхать без меня, и я тебя не провожу? Или ты не рад, что я тебя сюда привезла?

– Не говори глупостей. Конечно, рад. Просто от недосыпания портится цвет лица, а ты у меня – самая красивая на свете.

Жена благодарно молчала.

– А теперь поезжай, не томишь понапрасну. Помахать тебе я все равно не смогу.

Я смотрел поверх ее рыжей головы.

За стеклянной стеной аэровокзала висела сетка серого дождя.

– Ты еще успеешь не до конца проснуться, дома ляжешь и уснешь. Проспишь до обеда, сегодня воскресенье, все уехали в сады, не будет ни собак, ни детей, ни рэпа. Ты взяла куртку?

– Взяла палантин. Не в «О'Кей» же собрались.

– И оставила в машине.

– Ну да. Бросила назад. Когда приехали, здесь дождя еще не было. Не хотелось тащить.

– Зато сейчас есть. А я за тобой не проследил. Детский сад, старшая группа...

Не говоря ни слова, жена одарила меня ласковым взглядом.

– Беги скорее, пока не припустил сильнее.

– Да, уже бегу. Сейчас поеду. Только заведу машину.

Брелок «Шер-Хана» качался на ее тонком пальце.

– Вот.

Жена нажала кнопку, через несколько секунд раздался тройной писк.

– Все, как ты велишь. Чтобы не ехать с места на холодном двигателе. Хотя сейчас он не успел остыть.

– Молодец.

– Доеду за три секунды и сразу лягу спать. Даже чай пить не стану, только сотру глаза.

– Не гони, как сумасшедшая.

– Не буду. На самом деле я еще сплю, с утра так и не проснулась.

Зеленая модель биплана «По-2», криво подвешенная у потолка в память о том, что местный аэропорт начинался с такого самолета, уже отчаялась куда-то лететь.

Но меня ждали иные места, высокие небеса и другая погода.

– Дорога мокрая, в зеркала ничего не видно. Как сядешь, сразу включи обогрев. У выезда на трассу стой, пока не откроется окно.

Я давал указания, прекрасно зная, что без меня она погонит, как бешеная, двумя руками держась за руль и не оглядываясь по сторонам.

– Буду стоять хоть целый час. И поеду по среднему ряду.

– И не забудь, за кафе «Отдых» поставили камеры. Там «восемьдесят», притормози заранее.

– Приторможу, приторможу.

Я опять обнял жену.

Плохо кормленная в детстве родителями, ростом она не вышла. Но черные туфли на шпильках слегка компенсировали нашу разницу.

– Ну ладно, все, поезжай.

– Поеду.

Она еще раз прижалась ко мне.

– Пока!

– Пока, – ответил я, еще раз ее отпуская.

Жена процокала к выходу, прекрасная даже в джинсах, надетых по утренней прохладе. Во всем холле не нашлось бы другой женщины, способной сравниться с нею.

Меня кто-то толкнул. Кругом все спешили, пора было двигаться и мне.

Посмотрев вслед жене, я взялся за ручку своего серого чемодана.

Он казался неподъемным.

Я вполголоса выругался: пограничный пункт находился на втором этаже, эскалаторов здесь не имелось, туда вела обычная лестница, причем довольно крутая.

1

«*Боинг-737*» авиакомпании «*Татарстан*» – белый, расцвеченный красной и зеленой полосами, бегущими с кили на фюзеляж – вероятно, был выпущен в тысяча семьсот тридцать седьмом году.

Слой свежей краски не мог скрыть бесчисленных неровностей обшивки, металл которой устал до изнеможения. Планер был измучен тряской турбулентности, ударами водяных струй и облачных клочьев, шквальной вибрацией на взлетах и толчками при посадке, к тому же разъеден антиобледенителем, протекшим во все стыки. Старомодно круглое сечение мотогондол, в которых виднелись вентиляторы новых двигателей «*Пратт энд Уитни*», говорило, что этот самолет лишь лет на десять моложе меня.

Тоже далеко не молодого: середина пятого десятка не являлась возрастом радости, хотя я его еще не ощущал.

Самолет напоминал Ноев ковчег; ему давно настала пора укорениться, но кто-то столкнул со счастливой горы Арарат и снова заставил летать. И сейчас этот дряхлый «*Боинг*» замер на стоянке в ожидании новых пар земных тварей, а вместо корней к нему тянулся черный кабель аэродромного источника питания.

Трапов стояло сразу два; центровка американского лайнера – не переделанного бомбардировщика, подобно нашим «*Ту*», а спроектированного для людей – позволяла принимать всех одновременно.

Чистых в передний салон бизнес-класса, нечистых в задний «*эконом*».

При тянущейся с детства любви к авиации, при умении наслаждаться всеми фазами полета, при ошеломительной радости, всегда охватывающей меня в воздухе, я ни разу в жизни не летал первым классом. Никогда не чувствовал себя белым человеком: не имел возможности расправить свои сто восемьдесят семь сантиметров и не страдать от соседства какого-нибудь жирного мужика, не мывшегося с сотворения мира, а потом выпить чего-нибудь легкого – вина или хорошей водки, что на эшелоне «*десять тысяч*» доставило бы особое удовольствие – и посетить уютный туалет, где из мусорного ведра не сыплются через край использованные гигиенические прокладки.

Я был общительным, но не любил, когда компанию навязывают. Мне всегда хотелось лететь в бизнесе, но этого никак не удавалось. Каких бы планов на грядущую роскошь я ни строил, в самый последний момент всегда мешало что-то более насущное – сиюминутное, но неизбежное, требующее серьезных расходов.

Впрочем, сейчас об этом не стоило думать; никакие мысли не могли переместить меня в первый класс из салона для бомжей.

Да и вообще я пребывал в состоянии расслабленной эйфории, в какое впадал всегда, перешагнув красную черту границы, получив выездной штамп в паспорт и ровно на четырнадцать дней став гражданином мира.

Я похлопал себя по карманам. Нашитые на штанины моих летних брюк, они были огромными, надежно застегивались и могли вместить целый автобус. Все необходимое в путешествии: документы, путевку, ваучеры, билеты, деньги в рублях, евро и долларах, мобильный телефон – я распахивал туда и не нуждался в ручной клади.

Глупо было проверять что-то на перроне после двух часов, проведенных в зоне отправления. Жена давно спала дома, свернувшись калачиком на краю нашей огромной кровати немецкого производства. Действие было автоматическим; на самом деле я никогда ничего не забывал – ни вещей, ни людей, ни мыслей.

Я пристроился к очереди на посадку. Точнее втиснулся в толпу возбужденных женщин и сумрачных мужчин.

Кажется, я и сам почти спал, потому что не заметил, как меня поднесло к трапу и больно ударило ногами о железную подножку.

Местная, в унылой синей форме, инспекторша из отдела перевозок молча взяла мой посадочный талон. Я поднялся по скользким от росы ступенькам, переступил самолетный порог. Кажется, на «*Боингах*» я не летал года три, по привычке к советским летающим бомбоубежищам втянул голову в плечи, не сразу сообразив, что здесь этого не требуется.

Предбанником заведовала татарская бортпроводница в малиновом сарафане. Совсем молодая – невысокая, темноликая и почти плоская в той части, которая у женщин бывала привлекательной.

– Доброе утро! – сказал я, бывая вежливым даже со слугами, чье отношение к себе уже предоплатил.

Она что-то пробормотала, взглянула недобро и отвернулась.

По годам годясь в отцы, я ее не интересовал, но и ее реакция была мне безразлична.

Салон «*Боинга*» напоминал сводчатый зал правобережной станции Ленинградского метро. Даже во втором классе американский самолет имел такие расстояния между креслами, что можно было ощутить себя рожденным на свет, а не скрючившимся в утробе.

Мой 21-й ряд находился в последней трети ближе к хвосту, место носило литеру «*E*». У прохода сидела толстая женщина лет семидесяти в чудовищной белой разлетайке; величественная осанка выдавала учительницу на пенсии. От нее разило потом, хотя день лишь начинался и в салоне было еще не душно. Продираться мимо такой туши не казалось большим удовольствием – остановившись, я вежливо спросил:

– Не хотите передвинуться на мое место, чтобы я вас не беспокоил?

Бывшая классная руководительница не ответила.

В этом полете мне явно не везло на женщин; ни молодая ни старая не удостоили меня вниманием.

Вероятно бортпроводнице хотелось спать, а соседка желала сидеть с краю, чтобы беспрепятственно ходить в туалет.

Уплотнившись, я боком просочился к своему синему креслу.

Сейчас тут было довольно комфортно, но на высоте мне всегда становилось холодно; куртку-ветровку я расстегивать не стал, а только расстегнул.

Около иллюминатора сидела женщина.

Не будучи христианином, я не исповедовал принципа «*посмотревший возжелал, возжелавший захотел*». Жену я любил больше солнечного света, но это не было связано с удовольствием глядеть на других женщин.

И соседку справа рассмотрел.

Она была моей ровесницей – достаточно стройной, с приличным бюстом и короткой черной стрижкой.

Впрочем, и бюст и волосы я отметил во вторую очередь, а сначала взглянул на ее ноги.

Не только потому, что считал их высшей эстетической сущностью.

И не потому, что мужчина, в преддверии отпуска не смотрящий на женские коленки, является мертвым, а я был жив.

Просто соседкины ноги бросились в глаза.

Женщин на анталийский рейс набралось больше, чем достаточно. Некоторые надели джинсы, большинство сидело с голыми конечностями, жаждущими солнца, ради которого все летели подальше от нашего города, затопленного унылым дождем.

А ноги этой сверкали антрацитом.

Да и вообще ее вид казался странным для самолета, собирающегося взять курс на Турцию в середине июля. Соседка была одета в черную футболку и черную юбку, ногти и губы сверкали вечерне алым, бледный профиль казался очень уверенным. Цвет глаз я не определил, однако понял, что они темные.

В вырезе ворота виднелась золотая цепочка. Узенькая, хорошо отполированная, она сияла каждым звеном по отдельности и подчеркивала дороговизну всего прочего.

Я отличался равнодушием к одежде, моде предпочитал удобство, но жена была яростной тряпичницей. Наш достаток не позволял иметь все желаемое, но она умела непревзойденно выдерживать стиль, разбиралась в брендовой принадлежности вещей и как-то незаметно научила тому же меня.

Футболка женщины с места «21F» на первый взгляд была очень простой. На ней не имелось ни отстрочки, ни вышивки, ни стразов, ни неназойливого логотипа где-нибудь у плеча. Но по глубокому черному цвету, по посадке, по ощутимой мягкости – еще по чему-то, необъяснимому, но несомненному – я понял, что это вещь из фирменного бутика.

Бюстгальтер, угадывающийся невнятно, тоже был не китайским.

Обманчиво скромная черная юбка заканчивалась не выше и не ниже, а на лучшем уровне для положения «сидя».

Ноги были длинными; их не портили колени, чуть более узкие, нежели мне обычно нравились.

Довершали облик туфли.

Насыщенно красные, без дешевых финтифлюшек, они давали возможность оценить качество матовой кожи и не отвлекали от главного.

Эта женщина, несмотря на совершенно другую гамму, вызывала ассоциацию с цветком рукколы – лаконичным донельзю, но более изысканным, чем целая куртина роз.

Она была слишком хороша для дряхлого «Боинга», летящего в суетливую Анталию и сюда попала случайно.

Отвернувшись, я посмотрел в проход, где раздавался лишний шум.

Мрачная малиновая бортпроводница перераспределяла многодетное семейство, которому не нравилась определенная билетами рассадка. Ситуация являлась обычной: молодые мамы с детьми были готовы пройти по головам, а стюардессы любили гонять с места на место одиноких мужчин моего возраста. Но левая соседка своей прочностью напоминала «Титаник», севший на мель прямо в Саутгемптоне, а женщина в красных туфлях, несомненно, выцарапала бы глаза любому, посягнувшему на ее покой около иллюминатора. Мое срединное кресло само по себе вряд ли кого-то интересовало, я мог не волноваться.

Конечно, пересесть мне не представляло проблем, да и новое место вряд ли бы оказалось хуже, потому что хуже этого быть не могло.

Но я терпеть не мог вторжения в свое личное пространство, а уж погрузившись в отпускную нирвану, не шевельнул бы пальцем, даже начни кто-то умирать у меня под боком.

Вероятно, я был индивидуалистом до мозга костей, не вписывающимся в мораль человеческого стада.

Я вел чересчур активную жизнь, мне хватало общения на работе, лишние люди раздражали. Я много лет не пользовался общественным транспортом, из магазинов посещал лишь приличные, не открывал дверь пришедшим без звонка, не выносил чьего-то близкого соседства – даже в лифте предпочитал ездить один, переждав сколько угодно.

Меня тяготили чужие, а «своих», кроме жены, не имелось.

С моими привычками стоило жить хотя бы в Прибалтике, где даже годы советской власти не смогли уничтожить уважения к отдельно взятой человеческой личности. Но уж никак не в России с ее общинным менталитетом и традицией спать вповалку на полу.

И сейчас мне было некомфортно от толпы, окружившей со всех сторон.

Хотелось поскорее улететь из этого хмурого города, приехать в свой отель и поселиться в заказанном «сингле», где я смогу находиться в одиночестве – сколько и когда хочу.

Но приготовления к полету, кажется, не в меру затянулись.

Для того, чтобы выглянуть в иллюминатор, мне пришлось выпрямиться: спинки кресел стояли прямо, черный бюст загораживал обзор. Из-за него я видел лишь мокрое крыло, отблескивающее без энтузиазма. Еще не взлетев, оно уже устало.

Отметив это, я невольно покосился на сияющие черные колени.

– ...Что вам так не дают покоя мои ноги?

Голос соседки был таким же уверенным, как и ее профиль.

Я вздрогнул, повернулся – глаза оказались темно-карими.

– Они что, вам так понравились?

– А вы были бы рады, если бы ваши ноги давали покой одинокому мужчине?

Легкий стиль казался естественным в преддверии отдыха.

Мне самому стало как-то легко.

Действительно, еще оставаясь здесь, я уже был далеко.

Кажется, мой ответный вопрос прозвучал слишком громко: краем глаза я заметил, что учительница младших классов уставилась неодобрительно.

Хотя, возможно, она – правильная, как юбилейный рубль – привыкла всегда и на всех смотреть с априорным презрением; в салоне стоял глухой гам, я не без труда слышал собственный голос.

– Хороший ответ!

Соседка хмыкнула; она умела держать удар.

– Ноги ваши мне очень нравятся, – добавил я чуть тише. – Но я обратил на них внимание по другой причине.

– По какой же?

Женщине-«F» явно не претило поговорить.

Впрочем, поговорить со мной любили все, потому что разговаривать я умел. С кем угодно и на любую тему.

А находясь в хорошем настроении, мог искриться, как пробитый высоковольтный провод.

Тем более, с женщиной, которая понравилась мне с первого взгляда.

– Здесь все сияют голым телом. Только вы в черном.

– А, это...

Она улыбнулась, голос зазвучал по-домашнему.

– Это компрессионные колготки, вынужденная необходимость.

– Компрессионные? – удивился я, не поняв слова. – Компрессор – это то, что будет крутиться вон там...

Я кивнул в сторону иллюминатора.

– ...От турбины и станет нагнетать воздух.

– Нет, эти ничего не нагнетают.

Улыбка женщины сделалась совсем доброй.

– Только сдавливают. На высоте у меня болят вены, компрессионный трикотаж создает давление – где надо и как надо, чтобы не было осложнений. Специальная система, долго объяснять.

– Надо же! – я покачал головой. – Никогда о таких не слышал.

– Ну, вашей дочери о них думать рано, хотя она и выглядит весьма взросло.

– Какой... дочери?!

Соседка сбила меня с толку, что удавалось далеко не всем.

– Той, с которой вы так нежно прощались в аэропорту. Тоненькая, рыженькая, красно-коричневый топ из шантонга, на нем роза из того же материала, оригинальные джинсы «Рэнглер», черные туфли – пятнадцать сантиметров каблук плюс серебристая платформа...

Женщина описывала детали так, точно все видела прямо сейчас перед собой. В знании тряпичных мелочей она могла отмеряться от жены.

– ...А на руке золотая цепочка.

– И на ноге тоже. Только под джинсами на видно. Это была моя жена.

– Поздравляю. Взрослый дяденька женился на малолетке.

Судя по всему, она тоже не чуралась перелетного флирта.

– Именно так.

Смех, легкий и невероятно счастливый, вырвался из меня сам собой.

Разумеется, мне не требовались новые знакомства, но недолгое общение с красивой женщиной на пути к месту беззаботного отдыха делало предчувствие блаженств еще более сильным. Это было нормальным, иначе просто и быть не могло.

Мою спину прожег очередной злобный взгляд; у старух учительского типа я всегда вызывал отторжение.

– Это мой второй брак. Жена существенно моложе.

Я сделал паузу.

– На шесть лет.

– На целых шесть? Поздравляю еще раз. А сколько вам, если не секрет?

– Не секрет. Сорок шесть. Соответственно, ей сорок.

– Надо же... Ваша жена – моя ровесница.

– Ничего себе, – восхитился я.

– Что именно «ничего»?

– То, что женщина так просто открывает свой возраст.

– Так я же не собираюсь за вас замуж. Здесь для этого нет условий.

– Насчет условий – в точку. Я не могу пригласить вас в ресторан, как в поезде. Хотя сделал бы это с удовольствием.

Когда-то я умел вести с незнакомыми женщинами ни к чему не обязывающие беседы, полные кинематографического ослоумия.

Сейчас я вернулся в прошлые времена. Это было смешно, но тоже входило в рамки отпускного настроения.

– Спасибо, – тепло ответила соседка. – Доброе слово и кошке приятно.

Улыбнувшись еще раз, она выглянула в иллюминатор.

Линия спины была изящной, между лопаток нежно проступала еле заметная застёжка.

Ударив волной воздуха по барабанным перепонкам, впереди захлопнулась входная дверь.

Где-то впереди надрывно заорал ребенок.

Соседка повернулась ко мне:

– Скоро полетим?

– Не знаю. Думаю, скоро. Сколько можно стоять на земле. Они уже объявляли «пристегнуть ремни»? Я как-то все прослушал.

– Я тоже. Отключилась на свои мысли. Наверное, объявляли – вон девушка ходит по рядам. Тут так шумно, в ушах звенит.

– Да уж, – я кивнул. – Россия – край непуганых детей. Нас, взрослых, как будто и не существует. Всю жизнь мечтаю попасть в отель, куда не пускают с детьми. Вроде бы такие существуют?

– Ну да, несемейного класса.

– А то дома ото всех соседей день и ночь вопят со всех сторон, в Турции не знаю рядом с кем поселят, и в самолете то же самое. В бизнес-классе, наверное, хоть младенцев нет.

– Младенцев там нет, да, – сдержанно подтвердила женщина. – Но... Поморщившись, она не договорила.

Завопили сзади – теперь уже не дети, а взрослые, перекрикиваясь через несколько рядов.

– На самом деле в несемейном еще хуже. Детей хоть на ночь

Я тоже поморщился и потерял виски.

– Вы не любите людей, – констатировала соседка, глядя на меня.

– Люблю, но выборочно, – ответил я. – Абстрактно любить людей может лишь тот, кто их мало знает.

– Согласна с вами на сто процентов.

Я молча кивнул.

– На самом деле в несемейном отеле еще хуже. Детей хотя бы на ночь утаскивают спать, а там круглыми сутками куролесит обдолбанная молодежь.

– Да уж... – я вздохнул. – Значит, остается лишь необитаемый остров по тайм-шеру.

Старуха слева возилась, словно медведь перед берлогой.

В будущем году стоило приложить все усилия, но лететь не среди колхозного сброда.

– ...Мужчина, вы почему не пристегиваетесь?

Неприветливая стюардесса стояла у нашего ряда.

У нее были матовые черные волосы и круглое невыразительное лицо с узким ртом; небольшие неопределенно зеленые глазки сверлили злыми буравчиками.

– Сейчас пристегнусь, – я все-таки опять ей улыбнулся и даже подмигнул. – А конфетки будут?

– Вам – нет, – отрезала бортпроводница и отвернулась к левой стороне.

Ее маленький зад выражал пренебрежение мною как лицом противоположного пола.

Собеседница засмеялась.

Я всплеснул руками и полез искать концы своего ремня.

Справа за бортом щелкнуло, потом загудело – сначала тихо, затем громче и громче.

Пилот компании «Татарстан» строго придерживался правил: несмотря на закрытые двери, первым запустил двигатель со стороны, противоположной отъехавшим трапам.

Салон мелко затрясся; старому самолету не хотелось лететь.

Женщина поправила на животе ремень.

– Вы знаете, какое сегодня число?

– Конечно, – кивнул я. – Тринадцатое июля.

– Тринадцатое.

Она разгладила черную юбку.

– Ну и что?

Я пожал плечами.

– Вчера было двенадцатое, завтра будет четырнадцатое.

– Вы знаете, сколько себя помню – боялась летать. И сейчас боюсь.

– Не бойтесь, – я усмехнулся. – На машине ездить гораздо опаснее. И, кроме того, взгляните на вещи с другой стороны. Тринадцатое число сегодня во всем мире, даже на Южном полюсе. Если все начнут бояться, Земля остановится.

– Интересная теория.

Щелкнуло и загудело слева.

– А вы интересная женщина. Сейчас мало кто привержен таким суевериям.

– Сейчас на самом деле все потеряло значение. Во главе другие приоритеты, лишь бы просто остаться живым. Но я помню случай из детства, из тех времен, когда билеты на самолет было достать не в любой день. Один знакомый куда-то сильно спешил, сидел в аэропорту перед рейсом и ждал, когда освободится бронь. Дождался – оказался тринадцатый ряд. Он отказался от билета и никуда не полетел. Смешно?

– Именно что смешно. В каждом самолете есть тринадцатый ряд и каждый раз в нем кто-то летит. Вот у нас сегодня – целых шесть человек. Если что-то случится с ними, то случится и с нами. Но с нами ничего не случится, значит, и они долетят без проблем.

– Если все подряд не сломают ноги, спускаясь по трапу, – возразила женщина, бросив через меня недобрый взгляд на бывшую учительницу.

Видимо, та успела чему-то ее поучить до моего появления.

– Ваша теория еще интереснее, – я усмехнулся. – Но мы с вами не все, мы пойдем по другому трапу.

– Договорились, – она серьезно кивнула. – По другому, так по другому.

Справа уже не гудело, а позванивало. Двигатель прогрелся, Пратт вместе с Уитни знали свое дело.

– На самом деле, если на то пошло... В каком ряду мы с вами сидим?

– Если честно, не знаю. А в каком?

– В двадцать первом, – ответил я, не задумываясь, почему женщина с красивыми ногами не знает своего ряда.

– И что это меняет?

– Все.

Она смотрела непонимающе.

– «Двадцать одно» – счастливое очко, – пояснил я. – «Тринадцать» им гасится. Минус с плюсом обращаются в ноль.

– ...Возьмите вкусняшку!

В проходе стояла бортпроводница и, масляясь улыбкой, держала перед пенсионеркой целый поднос конфет. Я потянулся туда, захватил горсть и молниеносно отдернул руку. В ответ раздались такие звуки, что промедли я долю секунды – и острые ноготки, покрытые бесцветным лаком, разодрали бы меня на клочки.

Соседка восхищенно покачала головой:

– Ловко. Вашей быстроте позавидуют десять кошек.

– Быстрота спасает жизнь. Держите.

Я раскрыл ладонь, она взяла леденец в зеленой обертке.

– Почему эта Раушания вас так ненавидит?

– Какая Рушания?

– Да серенькая сикושка в малиновом, которая на вас зашипела.

– А вы не любите молодых девиц, – усмехнулся я.

– Конечно, – ответила женщина. – С какой стати мне их любить, если они еще молодые, а я – уже нет?

– Логично. Хотя на самом деле вы моложе любой молодости...

– Спасибо.

– ...Но если одна женщина скажет хорошо о другой женщине, то она тяжело больна.

– Еще более логично! – она просияла.

– Но откуда вы взяли, что она Раушания? а не Чулпан или... Эндже. Хотя она такая же Энже, как я Арчибальд.

– «Же» понятно. А причем «эМ»?

– Не «МЖ», а «Эн-Дже». То есть «жемчужина».

– Это по-каовски?

– По-татарски. Мы летим казанским бортом, тут все татаре.

Двигатели рокотали одинаково ровным гулом.

Самолет тронулся, планер жалобно заскрипел.

Каждый кусок дюраля, каждый винтик, каждая заклепочка жаловалась, что им до смерти надоело болтаться в небе и хочется не покидать землю, пойти на переплавку и возродиться

в чем-то более спокойном – хоть в пивных жестянках. Впрочем, я никогда не интересовался, льют ли пиво в емкости из вторичного алюминия.

– А вы что – знаете татарский?

– Откуда мне знать, я не татарин. Но некоторые имена известны. Так почему эта маленькая злючка – Рушания?

– Потому что так написано на бейдже, который прицеплен ей на грудь. Вы разве не прочитали?

– Нет. Я не смотрел на ее грудь.

– А на мою смотрели.

От соседки не укрывался ни один взгляд.

Это казалось забавным.

Нам предстояли всего пять минут предполетных разговоров и от силы десять послеполетных, разделенные четырьмя часами сна.

Мы не имели потребности знакомиться, друг для друга оставались безымянными.

Между нами не существовало словесных границ, устанавливаемых перспективами.

Я мог отвечать как угодно и ответил то, что думал:

– Потому что у вас есть грудь, а у нее – нет.

Треща и раскачиваясь, «*Боинг*» доехал до края перрона, свернул на рулежную дорожку.

– Но она не виновата в том, что у нее слишком маленький бюст.

– Как и я в том, что люблю женщин, у которых бюст не слишком маленький.

Говорить можно было все.

– А лучше – совсем не маленький. Как у вас.

Соседка прожевала конфету, я протянул следующую.

– С вами ясно, – она кивнула, разворачивая хрустящий фантик – Но почему она так не любит вас?

– Я для нее чересчур хорош, вот она и бесится.

– Надо же...

Женщина посмотрела непонятно.

– Для сорокашестилетнего женатого мужчины у вас очень незаниженная самооценка.

– А ее зачем занижать самому? – парировал я. – Для этого всегда найдутся желающие.

– Браво.

Она хлопнула в ладоши.

Отставная классная дама встревоженно повернулась в нашу сторону.

– Мне нравится динамика нашего знакомства, – ало улыбнулась соседка.

– Мне тоже.

В иллюминаторе медленно ползла назад давно нестриженная трава, из которой торчали остатки конструкций непонятного назначения – самолет катился вдоль полосы к ее дальнему концу. Навстречу взлетел «*Як-42*», тоже в цветах «*Татарстана*»: местный авиаотряд давно прогулял последний «*Ан-24*».

– И, кстати, милая Рушана любит вас не больше, чем меня, – продолжил я. – Она ведь вам не предложила своих драгоценных... «*вкусняшек*».

– Именно что вкусняшек. Я, кстати, тоже не выношу это тупое московское слово.

– Вы уверены, что оно именно московское? – я усмехнулся.

– Конечно. Все зло от Москвы.

Такая мысль мне в голову не приходила, но, возможно, в ней имелся здравый смысл.

– ...А что касается «*больше – не больше*»... Меня вообще не любят женщины, кроме пары школьных подруг, но они не в счет.

Кажется, мы были в чем-то схожи.

Вернее, соседка меня превзошла: я испытывал неприязнь лишь со стороны благовоспитанных кошелок, ее не любили все. Это говорило о том, что она – настоящая женщина.

Подобная моей жене, которую мужчины обожали, а женщины ненавидели.

– Никакие не любят. Ни старые, ни молодые, ни с большой грудью, ни с маленькой, ни с такой, как у меня. Но мне наплевать.

Легкость, с какой соседка говорила о своей внешности, завораживала. В словах не имелось намека на пошлое заигрывание – видимо, ей просто было легко выражаться именно таким образом.

– Извините, – она улыбнулась. – Меня понесло не знаю куда. Расслабилась.

– Извиняю, – я улыбнулся в ответ. – То есть незачем извиняться. Я расслабился не меньше вашего. Да и вообще мы взрослые люди и можем затронуть непионерские темы. Даже такую, как ваша несравненная грудь!

Последние слова я сказал нарочито громко, по-мальчишески желая позлить отставную сеятельницу неразумно вечного, Но та, похоже, уже не работала на прием, погруженная в мысли о предстоящем полете.

Задрожав вдрызг разболтанной тушей, наш «*Боинг*» тяжело остановился у выезда на полосу. Теперь там кто-то садился. Сквозь плотный рокот наших турбин я услышал гром реверса, но самолет не распознал: в иллюминаторах он показался слишком далеко, расплылся маленьким силуэтом в мареве газовых струй.

– Относительно женской любви я скажу вам так...

Я замолчал.

Женщина нетерпеливо выглянула в иллюминатор; ей тоже хотелось скорее покинуть землю.

Но диспетчер старта ждал кого-то еще: мы стояли на рулежке, грохоча двигателями и никуда не двигаясь.

– ...Такую женщину, как вы, можно не любить за одну только вашу футболку.

– А причем тут моя футболка?

Соседка живо обернулась ко мне. Холодный воздух еще не поступал, в салоне стало жарко; от нее сильно пахло чисто вымытым телом и слабо – хорошими духами.

– При том, что я представляю, сколько она стоит.

– А это плохо?

– Почему плохо? – я пожал плечами. – Еще Пушкин говорил про красу ногтей. И если вы в состоянии позволить себе хорошие вещи, то почему должны носить нищенское отрепье из «*Сэконд-хенда*»?

– Сильно сказано.

Она улыбнулась.

– Мы с вами одной крови, – усмехнулся я. – Я сейчас езжу на машине, которая стоит почти миллион. Мне приходилось слышать, что на эту сумму какая-нибудь мать-одиночка смогла бы прожить десять лет. И я должен...

– Никто никому ничего не должен, – перебила женщина. – Каждый строит жизнь, как хочет, и за все платит сам. Так сколько стоит моя футболка?

– Достаточно. Или я не прав?

– Правы. Но откуда вы поняли? На ней снаружи нет ни одного лейбла.

– Это видно сразу, – ответил я. – Без лейблов и прочей ерунды.

– Впервые встречаю мужчину, который разбирается в одежде. Вот моему мужу все по барабану, он не отличит «*Экко*» от «*Юншела*».

«*Боинг*» вздохнул и тронулся. Разворачиваясь на полосе, он скрипел так предсмертно, что мне сделалось страшно.

Но я тут же подумал, что американский металл, автомобильный и авиационный, является самым надежным в мире. Его должно было хватить еще на один перелет – лично для меня.

И для женщины в черно-красном.

Упоминание о муже сделало ее еще ближе. Моя соседка была в том же положении, что и я. При всех своих алых ногтях она не являлась искательницей новых жертв, а всего лишь летела отдыхать в одиночестве. Хотя, возможно, по иной причине, нежели я.

– Все просто.

Я усмехнулся.

– Жена за тряпки жизнь отдаст, меня тоже надрессировала.

Самолет прокатился вперед и затормозил.

Подавшись вперед, я тоже посмотрел наружу.

Из-под крыла виднелся край стартового маркера; судя по всему, «зебру» не красили с прошлого лета. Взлетно-посадочная полоса нашего аэропорта находилась в худшем состоянии, нежели недавно отстроенный мраморный дворец, в котором раскинулся административный балаган, местная пародия на Государственную думу.

– А вы отдадите жизнь за свою жену, – сказала женщина.

– Откуда вы знаете?

Я удивился; она попала в точку.

– Это видно сразу. И по тому, как вы с ней прощались, и по тому, что в сорок лет она у вас выглядит, как девочка. Так бывает только при любящем муже.

– Вы тоже выглядите прекрасно.

Фраза вырвалась автоматически: я всю жизнь считал, что женщину нужно или хвалить или вообще с ней не разговаривать.

Не разговаривать я не мог. Но соседка выглядела на свой возраст, при том, что жене не давали тридцати.

– Да ну вас...

Женщина отмахнулась, однако было видно, что незамысловатый комплимент ей приятен.

Из-под крыла с урчанием пополз закрылок.

– На самом деле вы выглядите не хуже, чем я...

– Спасибо, – я поклонился.

– ...И вы в моем вкусе. Несмотря на то, что вас отвергла Раушания.

– Ну и пес с ней. Я не люблю, как вы выразились, сикушек. Предпочитаю зрелых женщин.

В последнем я не врал.

С первых опытов меня влекли взрослые женщины. Даже учительница под левым боком казалась бы привлекательной, не будь столь разжиревшей, а главное – столь воинствующе само-достаточной.

– А за «в моем вкусе» – отдельное спасибо.

– Всегда пожалуйста, – женщина улыбнулась.

– И, если уж на то пошло, вы тоже в моем вкусе. На все сто процентов. Если не на двести. Не врал я и тут.

Соседка мне нравилась, я не видел причин это скрывать.

За бортом ожил элерон. Поднялся, опустился, снова вернулся в нейтральное положение. Продолжая следовать инструкции, пилоты проверяли расхопленность рулей.

– Это радует. Мы можем смело лететь вперед.

– Сейчас полетим. Только на всякий случай разбежимся.

Женщина что-то ответила, но я не разобрал слов.

Двигатели взревели – оба сразу, не спеша набирая обороты.

Несмотря на запас мощности, несомненно имеющийся у «P&W», казанский пилот чурался ненужной лихости, не пошел взлетать, увеличивая тягу на ходу.

Салон затрясся, задребезжал и зазвенел.

Этот момент обычные пассажиры хотели пережить как можно быстрее. А я наслаждался им, словно хорошим коньяком, всем телом ощущал могучую дрожь, пронизывающую насквозь и выводящую в иное измерение.

Двигатели «Боинга» были великолепны.

Давно стало стандартом выражение «гром турбин», но природный гром отличался переходящестью, быстро нарастал и тут же затихал. А рев моторов Пратта и Уитни напоминал шум несуществующего в природе водопада из стали – чудовищного, равномерного и непреклонного.

Я представлял, что сейчас происходит.

Прижав педали тормоза, пилот двигал сектор газа, увеличивая подачу топлива в форсунки. Керосин превращался в огонь, газ бил из сопла и крутил турбину. На ее валу был закреплен компрессор, нагнетающий воздух в камеры сгорания. И чем сильнее он нагнетал, тем быстрее сгорало топливо, тем стремительнее вращалась турбина – процесс нарастал лавинообразно, тахометры на приборных досках показывали несколько десятков тысяч оборотов в минуту. Внутри двигателя бушевал огонь, а снаружи все было спокойно, только вентилятор второго контура – почти сплошной в неподвижном состоянии – мелькал лопастями так, что мотогондола стала прозрачной напросвет.

Хотя напросвет ее сейчас никто не видел.

Вставшего спереди засосало бы внутрь, размолото и выбросило назад.

А сзади не мог стоять никто.

Там рвалось черное зарево гари, гремела грозная ярость разгона.

Я зачем-то оглянулся.

Бывшая учительница мелко крестилась.

Отчаянно ахнув всем корпусом, самолет снялся с места.

Не побежал – скользнул вперед, словно камень, пущенный по льду. На самом деле, старый планер еще мог и любил летать.

Меня вдавило в кресло, инерция была не тяжелой, а какой-то обещающей.

Я смотрел в иллюминатор.

Там появлялись и тут же исчезали бело-красные аэродромные строения.

Соседка смотрела вперед и профилем напоминала ростральную фигуру, хотя не была на нее похожа.

Секунды разбега летели со скоростью света, крыло дрожало, с него смыло воду, оно набирало силу и самолет с каждым мгновением становился легче.

И вдруг вокруг меня вспыхнула вибрация.

Не вспыхнула – взорвалась чудовищно, пронизала каждый сантиметр. Салон перестал существовать, наш ряд был готов оторваться от пола и, пробив обшивку, улететь за пределы стратосферы.

У меня на мгновение помутилось в глазах – и тут же тряска стихла, словно ее выключили.

Отделившись от полосы, «Боинг» быстро пошел вверх.

– Что... это было?

Женщина повернулась ко мне.

Голоса я не слышал, лишь прочитал слова по шевелению губ.

– Старый самолет! – крикнул я.

– Что?..

Она, конечно, тоже меня не поняла.

Я склонился, словно для поцелуя, и, касаясь чистых волос, сказал ей в ухо:

– У нас очень старый самолет. Грохочет, скрипит и трещит. Но летает.

Отчетливо хлопнули створки убранного шасси; американские двигатели на взлетном режиме работали тише российских.

Закрылок начал втягиваться в свою пазуху, самолет просел – совсем чуть-чуть, не снижая траекторию подъема.

Даже достигнув Мафусаиловой старости, «*Боинг*» летал прекрасно.

В конце девяностых – в начале автоэйфории минувшего века – у меня был голубой автомобиль «*БМВ*» семьдесят второго года выпуска. Купленный за бесценок и утроивший стоимость ремонтами, он напоминал гроб, выкопанный из старой могилы. На светофорах, окруженный новенькими «*девяносто девятыми жигулями*», я смотрел только вперед, томимый презрительными взглядами. Но едва загорался зеленый, как взгляды ощущались лишь спиной: шестицилиндровый двухсотсильный двигатель уносил меня легко, как ржавую пушинку.

Сейчас происходило нечто сходное.

По существу гроб повапленный, «*Боинг*» оставался «*Боингом*».

Толстый, неуклюжий, скрипящий, он за секунды оставил внизу убогие коробки аэропорта, легко пробил облака и выскользнул на простор.

Облачность оказалась не толстой и даже не слишком обширной. За иллюминатором, быстро уменьшаясь, проплыли желтоватые и зеленые поля, разделенные сумрачными перелесками, блеснули крыши дачных поселков и каких-то деревень, кривой саблей просияла мутная река, россыпью хлама показался наш город. Над северной частью висело плотное облако дыма от нефтехимзаводов – вытягивалось полосой, рассеивалось и ширилось, покрывая окрестности смогом.

Я был несказанно рад отсюда улететь.

Мне хотелось иметь рядом с собой жену, мгновенно оказаться в Турции и никогда не возвращаться обратно.

Как и всякий человек, вложивший силы в создание самого себя и не получивший отдачи, я не любил свою родину. Жил я тут не так уж плохо, но любить ее было не за что хотя бы потому, что в цивилизованной стране я жил бы лучше. Точнее, для нынешнего уровня жизни мне бы потребовались гораздо меньшие усилия. Только думать об этом стоило не после сорока лет и даже не в тридцать, а гораздо раньше.

Обрывая мысли, самолет встал торчком в левом развороте – салон накренился, глубоко нелюбимый родной город исчез из виду, в иллюминаторы правого борта брызнуло утреннее солнце.

– Солнышко...

Теперь я слышал соседку: двигателям убавили мощность, они уже не грохотали, а лишь низко гудели, как очень большие пылесосы. Это сравнение, тоже стандартное, казалось полностью верным.

– ...Сто лет его не видела. Этим летом у нас, как в какой-нибудь Перми – то дождь, то ливень.

– Теперь будете видеть целых две недели без перерыва. Или не знаю, на сколько вы летите. Куда, кстати?

Мне было все равно, куда летит соседка; я спросил из вежливости, как полагается людям, оказавшихся на одном пути в разные места.

– В Анталию.

– Мы тут все летим в Анталию, – усмехнулся я. – Топлива не хватит даже до Ла Валетты, не говоря уж о Касабланке или Санта Крус.

– В Санта Крус я бывала, там нет ничего хорошего. На Канарах океан холодный.

Сам я всю жизнь мечтал побывать на Канарских островах – не потому, что ожидал найти нечто невероятное, а из-за романтики названия, которое в ранние постсоветские времена было синонимом слова «*рай*».

Но, как видимо, у рая на земле синонимов не имелось.

– Касабланка вроде в Марокко?

– Вроде бы да.

– А вот в Лавалетте не была. Это где вообще?

– Не помню, если честно. Где-то в Средиземном море, просто название красивое.

– Понятно.

Не дожидаясь разрешения бортовой трансляции, соседка расстегнула ремень.

Я восхитился независимостью, отличавшей ее от тихого стада, замершего вокруг нас.

– Ла Валетта – это то, что нужно, – сказал я, посмотрев сначала на ее ноги, потом на грудь. – Вам, я думаю, там самое место. Гляжу на вас и не понимаю, что такая женщина потеряла в Турции.

– Какая – «такая»?

– В футболке от «Версаче» за две тысячи рублей.

– На самом деле это «Кристиан Диор» за три, но неважно. Вы еще забыли сказать, что в колготках за восемь.

– Нет, этого я не скажу. Говорил же: я понимаю толк в вещах. Не смейтесь надо мной.

Самолет перестал подниматься – хотя, по виду из иллюминатора, он еще не достиг десяти тысячи метров.

– Я не смеюсь. Если уж заговорили о вещах... Мои колготки немецкие и в самом деле стоят восемь тысяч.

– А разве такие бывают?

Таинство женского гардероба приоткрыло еще одну дверцу.

– Бывают и за двенадцать. Не дай бог, конечно, но если вашей жене потребуются – уверена, вы ей купите именно такие.

– Просветите, что в ваших особенного?

– Материал. Эластан, распределенная компрессия. Серебряная нить для климат-комфорта. Дышат, хотя на ощупь – как резина. Вот, потрогайте.

Женщина приподняла юбку.

– Потрогайте-потрогайте.

Я оглянулся. Учительница рассматривала толстый альбом с фотографиями и нами не интересовалась. Я осторожно опустил ладонь на узкое соседкино колено.

– Да что вы мне коленку трогаете? Она всегда холодная. Вот тут попробуйте.

Взяв за запястье, она перенесла мою руку выше.

– Ну как? – спросила она через несколько секунд.

– Отлично, – ответил я.

Бедро, обтянутое черным, оказалось мягким и одновременно тугим – теплым, донельзя живым.

– Не могу выразить более точно. Просто здорово. Великолечно.

Я убрал руку, женщина неторопливо обдернулась.

– Я тоже так думаю.

Она улыбнулась.

Происходящее было странным.

Я только что держал незнакомую женщину за место, какое позволяет трогать лишь самым близким людям. Но это казалось допустимым, да и она не преследовала никаких целей – просто хотела показать, насколько хорошо ей в колготках за восемь тысяч рублей.

Мы летели в соседних креслах, могли обсуждать любые темы, поскольку дальше разговоров все равно бы не зашли.

Тем более, что мне ничего иного не было нужно.

И ей, конечно, тоже.

– Ну так вот...

Соседка поправила волосы.

– Я лечу в Турцию, потому что мне там нравится. Последние годы привлекает одно и то же место. Хороший отель, французская кухня, все говорят по-русски, прекрасный песчаный пляж, ровное дно тоже песчаное, и почти нет ветра, тепло... И маленькие черепашки, которые ползут из гнезд в море.

– Белек? – спросил я.

Сам я летел в Анталию, чтобы оттуда ехать в Сиде.

Меня ждал недорогой отель «галерейного» типа в прибрежной полосе. Главным достоинством тех мест была многокилометровая пешеходная полоса, качеством покрытия напоминавшая взлетно-посадочную. Там мне предстояли ежевечерние прогулки мимо территорий разного уровня, они давали возможность ощутить себя причастным к всеобщему празднику жизни в гораздо большей степени, нежели в ином пятизвездном заведении.

Разные точки назначения наполняли наше случайное соседство особой прелестью.

Можно было отпустить тормоза, говорить о чем угодно и делать, что заблагорассудится. Этому отводились всего четыре часа на глазах у почтенной публики, одна из представительниц которой стерегла нас с левого бока. Ничто не мешало порадоваться легкому общению, затем попрощаться в аэропорту Анталии и разбежаться по трансфертным автобусам, разъехаться навсегда без угрозы ненужного продолжения.

– Ну да, Белек, – улыбнулась она. – Как вы догадались?

– Вы настолько точно описали место, что не догадаться невозможно. Но не отметили, что кроме того, это единственные турецкие края, где иногда идет дождь, там не так пыльно.

– Вы там бывали?

– Один раз. Нам тоже понравилось: чудесная еда и чудесный пляж. Жена купалась топлесом и ей никто слова не сказал, все были заняты черепахами.

– У вашей жены красивая грудь?

Соседка спросила так, словно речь шла о цвете кафеля в нашей ванной комнате.

– Конечно. Неужто вы думаете, что я бы женился на женщине с некрасивой грудью?

Я усмехнулся, отметив, что отвечаю так же легко, хотя грудь своей жены еще ни с кем не обсуждал.

– Правда, с некоторых пор я понял, что женская грудь в принципе не может быть некрасивой.

– Вот это – в точку. Уважаю.

Ее улыбка вышла дружественной.

– Если, конечно, это грудь, а не...

Я махнул рукой в направлении носа.

Плосколицая злая девушка, чье имя переводилось как «*осыпающая сиянием света*», стояла у первого ряда и разговаривала с кем-то, не видным из-за синей занавески.

– В каком отеле вы были?

– «Белек Бич», пять звезд, только-только открылся, турки еще рассаживали бананы вдоль дорожек, цены на путевки были приемлемые и мы попали туда по «*рулетке*». Сейчас он недоступен.

Женщина смотрела выжидательно.

– На самом деле денег я зарабатываю не так уж мало...

Не понимая причины, я оправдывался перед носительницей футболки от «Диор» и колготок германского производства.

– ...Но все время нужно на что-то страшно необходимое. Вот сейчас недавно купили жене новую машину.

– А что, ваша жена водит машину?!

- Гоняет, как белка на водных лыжах.
- На белку она в самом деле похожа. И зубки наверняка острые. Но почему на водных лыжах?
- Не знаю, – я пожал плечами. – Так, к слову пришлось.
- А вот я за руль ни разу не садилась. Не тянет.
- Каждому свое. Зато вашему мужу каждую неделю не приходит пачка штрафов за превышение скорости.
- А почему мужу, а не мне? То есть не вашей жене?
- Потому что ее машина тоже оформлена на меня. Так удобнее: страховки, техосмотры, разборки с ментами и все прочее
- «Тоже»? У вас что – две машины?
- Три. Еще старый внедорожник для дачи.
- Для дачи?
- Ну да. Она в Юматово, на горе, обычный лимузин не всегда въедет. Особенно, когда дорога влажная.
- Соседка покачала головой. Известие о трех машинах на семью из двух человек ее впечатлило, хотя мне такое соотношение казалось нормальным для цивилизованных людей.
- А я не собирался ее впечатлять, я просто разговаривал с нею и невольно рассказывал о себе.
- Теперь понятно, почему я не летаю первым классом и не отдыхаю в «Белек Биче», где у входа стоит щит с фламинго? У которого ноги лишь чуть длиннее, чем у вас.
- Понятно, да. Каждому свое.
- Ну, а вы куда едете, если не секрет?
- Отель «Оранже».
- «Оранже»? Ультра, где на каждом углу фэйс-контроль, всех постояльцев знают в лицо и даже не надевают браслеты?
- Теперь надевают. Кругом понаехало всякой сволочи, охрана уже не справляется.
- Все равно, я думаю, путевка туда стоит целое состояние, на эту сумму можно было в самом деле слетать на Канары!
- Я же сказала – на Канарах неуютно, океан всегда холодный.
- Я покачал головой.
- Красные туфли соседки – наверняка стоившие тысяч пятнадцать, если не больше – позволяли ей легко рассуждать о неуютности Канарских островов.
- А в «Оранже» море теплое, прекрасный персонал и вообще очень хорошо, даром что всего лишь Турция, даже не Тунис.
- Вы замечательная женщина, – сказал я искренне. – Умеете жить, а не только пугать зиму тишоткой с надписью «Бали».
- Да уж, умею...
- Мы замолчали.
- Мне вдруг смертельно захотелось спать: выполняя наставление жены, я не пил кофе в порту, теперь всей тяжестью на меня навалился недополученный сон.
- Скорее всего, соседка испытывала сходные ощущения: мы оба являлись людьми из плоти и крови, обоих утомили отлетные хлопоты; после необременительной беседы было бы замечательно упасть в объятия Морфея, взлетевшего к нам на высокий эшелон.
- Но я, кажется, опять прослушал объявление, извещающее пассажиров о том, что они могут удобно устроиться и спать до обеда. Или вообще не просыпаться до самой Анталы.
- Приподнявшись, я понял, что ничего не прослушал: над выходом из салона все еще горело напоминание о ремнях.
- Видимо, времени прошло меньше, чем казалось.

Самолет тряхнуло, он заскрипел сильнее прежнего, и я вдруг ощутил, что мне некомфортно.

В воздухе никогда не могло быть все время приятно, но сейчас что-то было не так.

Видимо, почувствовав то же самое, соседка прижала руки к вискам.

– И где эта прыщавая Раушания?

– Разве она прыщавая? – глупо переспросил я.

– А вы не заметили? На щеках тонна тонального крема, но разве их скроешь?

– Бедная девочка, – я криво усмехнулся. – С ее грудью еще и прыщи.

– Именно что бедная. Прыщи у нее от недотраха, а откуда будет трах с таким характером?

Соседка все больше напоминала мне жену.

Она в самом деле была настоящей женщиной.

– Ходит где-то малиновая ряпушка, думает только о трахе и ей пофигу, как пассажиры себя чувствуют!

– А как именно они себя чувствуют? – уточнил я.

– Уши колет и вообще...

– А, уши... Так тут Рушания не при чем, у нее самой голова раскалывается.

Женщина непонимающе прищурилась, я пояснил:

– Высота в кабине слишком большая, они ее установили неправильно.

– Где высота?

– «В кабине», есть такой авиационный термин. На высоте дышать тяжело и вообще тяжело.

– Это я знаю, да. А при чем тут кабина?

– В самолете искусственно повышается давление, но не до наземного, а чуть меньше, для экономии. Выражается условно – «*высота в кабине тысяча*» означает, что в салоне дышится так же, как на горе высотой в километр. Современная норма, кажется, от двух до трех тысяч, татары ее превысили. Не знаю, почему – может, самолет слишком старый, бояться, что от наддува развалится. Хотя вряд ли.

– А вы летчик? Я уже заметила, во всем этом разбираетесь.

– Нет, не летчик. Просто интересуюсь авиацией и кое-что знаю.

Соседка молчала, словно ей было любопытно знать обо мне.

– По специальности я бывший инженер-электронщик. А по профессии сейчас...

Я вздохнул; свой нынешний род деятельности я раскрывать не любил. Мне было стыдно, что после образования, полученного не где-нибудь, а в Ленинградском Политехническом институте, мне – как большинству ровесников – для достойного выживания приходилось заниматься черт-те чем.

– ...Ну, в общем, неважно. Интернет, цифровые технологии, передача данных и прочая ерунда на китайском оборудовании. А вы кто?

– Я...

Женщина замялась; видимо, ей тоже претило обнародовать профессию. По облику и стилю поведения она напоминала обычного, хоть и неплохо оплачиваемого менеджера среднего звена. А может быть, даже низшего из высших.

Спасая от ответа, по салону пронесся дробный стук выпадающего шасси.

Через полчаса после взлета на высоте, требовавшей эффективного наддува, он казался более, чем странным.

И абсолютно неуместным.

– Это что?

Соседка спрашивала так, словно я знал все на свете.

– Шасси. Только непонятно, зачем они его выпустили.

– Может, кнопку задела?

– Не думаю. Насколько я представляю, там не кнопка, а ручка, причем передвигается достаточно туго, чтобы случайно не убрать на земле. И...

Я не договорил.

Мне вспомнились детали взлета.

И в голове пошел процесс, обратный тому, какой можно увидеть, встряхнув собранный «пазл», засняв процесс и прокрутив пленку задом наперед.

Куча разрозненных квадратиков сама собой начала складываться в правильную картину.

Я не успел додумать: в проходе появилась Раушания, за ней возник летчик – высокий рыжий татарин с несколькими шевронами на рукаве.

Они прошли мимо нас, покачиваясь и хватаясь за спинки – головы сидящих, как при-
магнитенные, поворачивались вслед.

Я привстал и тоже посмотрел назад.

Дойдя до последнего ряда, бортпроводница склонилась к креслам нашей стороны. Пассажиры – мужчина, женщина и девочка лет двенадцати – суетливо выбрались в проход. Летчик шагнул на освободившееся место, согнулся, исчез за спинками.

Не требовалось знать слишком много для понимания, что в «Боинге-737» лишь из последнего иллюминатора можно разглядеть правую основную стойку шасси, спрятанную под центропланом.

Судя по литературе прежних лет, осмотр внешних повреждений воздушного судна изнутри должен был производиться скрытно от пассажиров, чтобы не вызывать нервозности. Но, видимо, прямой, как дубина, двадцать первый век все существенно упростил.

«Пазл» сложился; хотя лучше ему было не складываться.

Прошла целая вечность прежде, чем летчик выпрямился, снова возник между кресел, что-то сказал бортпроводнице и почти бегом ушел в нос.

Должно быть, он уже запер за собой бронированную дверь пилотской кабины, а задернутая занавеска все еще колыхалась, точно ее трогали взгляды пассажиров.

Раушания махнула рукой согнанному семейству – они по-мышинному юркнули обратно на свои места.

Шум в салоне вдруг смолк, еще не прозвучало ни слова, но кругом упала тишина. Только гудели снаружи мощные «пылесосы» да скрипел старый планер.

И еще – отчетливо свистел ветер, обдувая невидимую стойку.

Стюардесса прошла мимо нас и тоже скрылась за занавеской.

Через несколько секунд свист прекратился: шасси убрали.

– Что случилось?

Моя соседка спрашивала почти спокойно.

– Узнаем, – коротко ответил я.

Страх во мне еще не возник; билась лишь одна – должно быть, естественная – мысль. Точнее, жгучий вопрос, заданный неизвестно куда: почему для такого случая судьба выбрала меня.

Единственного и неповторимого, вечного во все времена, летящего в законный отпуск, радующегося жизни и приятно тоскующего по любимой жене.

Такого никогда, ни при каких условиях не могло случиться со мной.

А если случилось, то на самом деле не случилось, я лишь видел нехороший сон.

Нужно было проснуться.

Или встать, перешагнуть через учительницу, дернуть стоп-кран и оказаться на земле, предоставив остальным погибать без моего участия.

–...Уважаемые пассажиры...

Панель над головой заговорила, поперхнулась и продолжила.

–...Приносим вам извинения. По техническим причинам, неисправность шасси, наш самолет совершит посадку в аэропорту обслуживания...

– Где именно?

Громкий вопрос прозвучал так, словно мужчине позарез требовалось знать, на какую полосу попытаются посадить наш самолет, у которого что-то произошло с колесами после того, как была пройдена скорость принятия решения и не осталось возможности затормозить.

В проход высунулась Раушания. По трансляции говорила другая, более взрослая борт-проводница. А эта, видимо, стояла за занавеской и слушала происходящее в салоне.

– Где именно мы будем садиться?

Любопытный пассажир еще не слишком волновался; въедливость была его чертой.

Злобная малышка скрылась, динамик щелкнул и сообщил голосом зрелой:

– Пункт назначения Бургас или Казань. Это будет уточнено позднее.

Соседка слева шумно поднялась и пошла в хвост, где прятались туалеты второго класса.

2

– Это называется *«приплыли»*. Вот вам и двадцать первый ряд при тринадцатом числе. Глаза соседки тонули в глубине нарождающегося ужаса.

Я не сразу сообразил, сколько времени промелькнуло с момента оглашения приговора.

Кажется, не более секунды, но толстая учительница опять сидела рядом, а весь проход до самой занавески был заполнен плотной очередью в те места, куда она успела вперед всех.

Видимо, я отключился от реальности в лихорадочных мыслях.

– Тринадцатое во всем мире, но оно выбрало именно нас, несмотря на *«двадцать одно»*.

Я кивнул.

Ничего не оставалось, мои каббалистические теории рассыпались в прах.

– Это... опасно, что с нами случилось?

– Думаю, что нет, – ответил я, хотя думал иначе.

Промолчав, соседка что-то поправила в сетке на передней спинке.

– А что именно случилось, полагаю, в точности не знает даже экипаж. Узнает на земле.

– На земле...

Два простых слова казались печальным эхом.

Эхом всего, что еще час назад казалось незыблемым.

–...Вы думаете, мы там окажемся живыми?

– Уверен.

Кажется, ложь прозвучала убедительно, хотя оставалась именно ложью.

Я знал, что даже малейшая неисправность в воздухе имеет самые худшие перспективы, а неполадка шасси к малейшим не относилась.

Но я не мог этого сказать.

Потому, что она была женщиной, а я – мужчиной.

Потому, что если нам было суждено прилететь-таки в Анталию и там разъехаться, то мы оставили бы память этих минут, не самых веселых в жизни.

Потому что если нам было не суждено прилететь даже в Бургас, то...

То последние в жизни часы нам выпало провести вместе.

Среди людей, но держась друг за друга – это стало ясно как-то сразу.

Но прежде всего потому, что я был мужчиной.

А она – женщиной.

– А где этот Бургас? – спросил я достаточно энергично. – В Испании? Никогда там не бывал.

– В Болгарии. Хотя я там не бывала, только в Варне как-то раз.

– Я согласен и на Болгарию. Там никогда не был.

– А почему именно туда?

Соседку тоже волновали несущественные вопросы.

– Не знаю.

Я заглянул в иллюминатор.

Внизу равнодушно ползли ландшафты средней полосы.

– Что бы там у нас сейчас ни было, после посадки наш самолет потребует ремонта.

Словами о ремонте самолета, приземление которого висит под вопросом, я пытался вселить спокойствие в самого себя.

Хотя на самом деле теперь меня бил страх.

Точнее не бил – он меня сковал.

И даже не просто сковал: образовал внутри вакуум, куда всасывалось все мое существо, от которого осталась лишь оболочка.

Но внешне я должен был держаться – хотя бы ради нее, глядящей мне в глаза.

Кашлянув, я продолжил:

– А мы летим не на «Ту», который чинят кувалдой. Но, наверное, в Анталье не обслуживают старые «Боинги», ближайшая база в этом самом Бургасе. Такая должна быть и в Казани, раз это их самолет. Скорее всего, нас отправят не к болгарам, а к татарам. Ближе, да и границы нет.

Она кивнула, не отвечая.

Снова заговорила трансляция:

– Уважаемые пассажиры. Наш самолет совершит посадку в аэропорту города Казань. Ориентировочное время прибытия...

– Вы провидец. Поверю вашему провидению и относительно того, что с нами будет все в порядке.

– Конечно будет, – ответил я.

И в подтверждение слов взял ее руку, лежавшую на колене.

Рука оказалась крепкой, но была холодной и сильно дрожала.

Салон снова зашумел.

Очередь в туалет двигалась, раздавались голоса: одни встревоженные, другие преувеличенно бодрые, некоторые веселые, словно обрадованные неожиданным приключением. Со всех сторон запищали и заквакали сигналы сотовых телефонов.

Соседка молчала, наматывая на палец свою цепочку.

Я тоже молчал, судорожно думая о жене.

Классная руководительница булькала мобильником, листая книгу контактов.

– Что они там делают? – спросила женщина через несколько минут. – Набирают «девять-один-один»? То есть «сто двенадцать»?

– Ни туда, ни сюда, – ответил я. – Дебилы звонят и шлют СМС своим родным.

– Почему именно дебилы?

– Потому что только дебил станет сообщать: «Мамочка, у нашего самолета отвалилось шасси, мы, скорее всего разобьемся, но я тебя люблю».

– А мы все-таки разобьемся?

Алые губы дрожали.

– Нетконечно, – быстро ответил я, не давая себе секунды на размышления. – Это я так, к слову. Просто хочу сказать, что звонят на землю только бесчувственные идиоты. Или скоты, перекладывающие переживания на людей, которые все равно ничем не смогут помочь.

– И вы не будете звонить своей жене?

– Нет.

Не дав себе думать о жене, я спросил:

– А вы будете звонить своему мужу?

Бледное лицо на миг исказилось. Женщина вскинула голову и посмотрела перед собой, не сообразив в растерянности, что ее супруг, как и моя жена, тоже остался сзади, а не впереди.

– Нет, не буду.

– Вот и правильно. Надо беречь своих близких.

Спутница кивнула отрешенно; ее мысли были заняты чем-то другим.

Впрочем, на борту приговоренного самолета наверняка каждый думал о своем.

Пенсионерка больно толкнула меня локтем в спину.

Глядя в глаза соседке, я сказал то, о чем размышлял сам:

– Что бы там ни случилось, я не хочу, чтобы моя жена мучилась в неведении три часа.

– Три часа?..

Она поднесла к лицу белые палыцы.

– Мы будем садиться три часа?!

– Если не четыре. Вы что, не слышали объявление?

– Я слушала, но не слышала.

– Садиться мы будем как обычно, максимум двадцать минут, с учетом всех разворотов, выхода на прямую и спуска. Но до того будем стоять над Казанью и вырабатывать горючее.

– Стоять?

Слева пропищали сигналы уходящих СМС, сразу нескольких подряд. Бывшая учительница не относилась к разряду людей, шадящих близких.

– Ну, так просто говорится. Самолет не машина, он в воздухе стоять не может...

Салон слегка накренился; пологим правым разворотом наш «*Боинг*» ложился на новый курс.

–...На самом деле мы будем кружиться, то есть ходить по квадрату, пока не сожжем лишний керосин.

Женщина слушала безучастно.

– Мы взлетели с полными баками, в воздухе провели не больше получаса. Садиться с таким количеством топлива нельзя, слить невозможно, его придется использовать. Для этого потребуется такое же время, как и для полета до Турции. Может, немного меньше, потому что кружить мы будем медленно, а на таком режиме двигатели расходуют больше, чем на крейсерском. Потом самолет совершит посадку и мы с вами пойдем в буфет пить кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.